

Мало победить – надо уметь
защитить свою Победу.

Мало победить – надо быть
достойными этой Победы.

Мало победить однажды – надо
бороться за Победу каждый день...

Эти нехитрые мысли все чаще
приходят на ум в последние годы. А
уж в самый последний год
медиапространство все больше
напоминает огромный, всемирный
сумасшедший дом...

Чего только не слышали мы за
последние годы от «наших
западных партнеров»! И то, что
Вторую Мировую войну развязала
не Германия, а Россия (в форме
СССР), осуществляя свою извечную
агрессивную политику. И то, что
решающая роль в разгроме

фашизма принадлежала, конечно же, Соединенным Штатам. И то наконец, что «Освенцим» освобождали украинцы, а не русские, не советские, не все наши бойцы вместе. И то, что наше освобождение Европы от фашизма, – это никакое не освобождение, а оккупация их, невинных и несчастных.

Особенно изощряются в этой клевете, в этой наглой лжи даже не главные наши соперники и противники, а их многочисленные мелкие подпевалы – прибалтийские «демократии», наш вечный друг Польша и т. д., и т. д. В последние годы добавилась и братская Украина...

Но кто же в этом виноват? Мы в этом виноваты.

Спросим себя: где мы были последние двадцать с лишним лет (не два месяца, не два года!)? Где мы были, когда США и их приспешники методично и систематически переписывали историю Второй Мировой, раздувая свои заслуги и всячески преуменьшая наши? Где мы были, когда поляки обвинили нас в Катынском расстреле своих офицеров (из немецкого оружия, немецкими пулями!)? Где мы были, когда двадцать с лишним лет на соседней Украине в школе учили детей, что главный враг украинского народа – Россия?

Где мы были? Мы спали...

Нам проще было согласиться и принять любую клевету (не на нас, а на наших славных отцов, дедов, прадедов, вот что особенно

постыдно!) – лишь бы не ссориться ни с кем из наших исторических соперников и противников. Нам проще было кивать головой, чем доказывать нашу правоту и неправоту и ложь наших клеветников. Нам проще было не замечать, как сносят памятники нашим солдатам, как плюют в нашу историю, как учат соседний братский народ ненавидеть Россию и русских, чем идти на идейный конфликт, касающийся главных смыслов нашей истории. Мы даже послов на Украину посылали таких, которые ни на что другое уже не годились. И это в то время, когда там происходили самые важные, самые опасные для нас перемены!

Да, идти на конфликт всегда не очень приятно. И если ты идешь на конфликт – ты можешь проиграть. Но если ты боишься даже идти на

конфликт – ты уж точно никогда не победишь. Никогда не защитишь правду и справедливость.

Что же мы получили в результате нашей страусиной политики? А все то, что мы сегодня имеем. Другими словами, мы никого не умиротворили своим трусливым умиротворением, зато потеряли все свои позиции в мире. Ну или почти все.

Отчего это произошло? Оттого, что нас не интересовала наша история. А отчего не интересовала? Да оттого, что мы не считали историю чем-то важным. И действительно, для чего она может быть полезна? Разве она помогает, например, обогащаться? Или получать какие-то удовольствия от жизни? Бесплезная вещь...

Но вот дошло дело до реальной войны. И не той, которую нам показывают по телевизору – войну украинской армии против донецко-луганского ополчения. Настоящая война, которая уже началась, – это война США против России, и, думаю, все вменяемые люди это понимают. А то, что Америка воюет с Россией чужими руками, – ну так она к этому привыкла за многие десятки лет и она это любит.

И вот тут-то мы наконец вспомнили про историю. Вот тут мы наконец осознали ее важность. Тут мы ощутили, как плевок в собственное прошлое (а фактически, в наших отцов и дедов!) возвращается к нам из будущего.

Научит ли нас чему-нибудь этот жестокий урок? Поймем ли мы наконец, что история есть главный

предмет, поскольку касается памяти целых народов? Что история полезна и необходима, поскольку помогает оставаться самими собой? Человек без памяти – ничто. И народ без памяти – ничто.

Еще важно понять, почему у нас хотят отнять нашу историю. Потому что это славная история, история побед! Это такое богатство, которое очень хочется отнять у России и русского народа всем нашим врагам! Еще бы! Ведь именно Россия – главный победитель в самой главной войне! Ну разве это им не обидно? Разве они могут с этим смириться?

Но неужели мы позволим им, нашим соперникам, отнять у нас нашу самую Великую Победу? Неужели мы настолько слабы, настолько трусливы, настолько

недостойны этой Победы и наших предков? Неужели мы станем проигравшими победителями?

Нет, что-то мне подсказывает, что мы потеряли не все. Что есть еще зернышко, которое может прорасти. Которое уже прорастает. И что мы в этом году будем как никогда осознанно праздновать День Победы. Нашей Победы!

Владимир Малягин

Первый бой

Из записок фронтовика

Юрий Николаевич Малягин
(1924-2012) – один из многих...
Один из тех миллионов, которые семьдесят лет назад отстояли нашу страну и добыли для своих потомков Великую Победу. Но

оттого, что их были миллионы, они не стали какой-то серой однородной массой. Каждый из воевавших был яркой человеческой личностью со своим характером, со своими взглядами, привычками.

И все же было то, что эти разные личности объединяло, – преданность своему народу, своей стране, своему государству. Наши воины были мужественны не на словах, а на деле. И мужество это проявлялось в главном – в смиренном терпении повседневных тягот и опасностей, из которых и состоит любая война. А какими были эти тяготы и опасности – читатель поймет, познакомившись с коротким отрывком из воспоминаний нашего героя. Напомним, что в момент первого боя ему было всего девятнадцать лет...

...Когда стали подъезжать ближе к фронту (1943 г. – Ред.), начали продвигаться только ночью, так как днем уже можно было попасть под бомбежку. Уже за Москвой, в Смоленской области, нас выгрузили из эшелона, и к месту назначения мы продвигались пешим строем. Прибыли к месту назначения. Нашу роту ПТР (противотанковых ружей) передали стрелковому батальону 371 дивизии 31 армии. А точнее – в каждую стрелковую роту распределили по взводу ПТР.

Разместили нас на позиции, с которой назавтра намечалось наступление. Перед нами лежало большое село. Когда стрелковая рота пойдет в атаку, нам предстояло вести огонь по огневым точкам врага, которые наиболее остро мешали продвигаться нашей пехоте.

Утром началась атака пехоты, а нас выдвинули на огневой рубеж. Пехота пошла вперед, а по нашему взводу неожиданно открыли ураганный минометный огонь. Он был такой силы, что не давал нам не только вести прицельный огонь, а просто – поднять голову. Как только кто-то из нас приподнимался в своем окопчике, по нему бил снайпер... Несколько часов мы, необстрелянные новобранцы, лежали в этом болоте, не поднимая головы, а по нам били и били немецкие снайперы. Котелок в вещмешке за моей спиной был пробит два раза – снайпер думал, что это моя голова...

Когда обстрел закончился и мы наконец смогли встать, в живых из всего взвода осталось трое (и трое было раненых). Таким был наш первый бой.

Но вот обстрел закончился, и мы, оставшиеся в живых, пошли в тыл через сожженную деревню.

Увидели первого убитого немца, с любопытством осмотрели и его, и его амуницию, которая отличалась от нашей. Шли по селу – и больно было смотреть на сгоревшие хаты, от которых остались одни трубы да тлели головни на пожарищах.

Населения здесь не было давно.

Мы прошли все село и вышли на опушку. Здесь росла тополевая роща, поросшая молодняком. Я шел впереди остальных. До рощи оставалось метров сорок, когда из молодой поросли встали во весь рост три здоровых фашиста, навели на меня карабины и крикнули:

«Хенде хох!»

От неожиданности я буквально оцепенел. Что мне делать?.. Свои

были далеко и ничем не могли помочь. Винтовку я держал в правой руке, но, если я ее вскину, в меня полетят сразу три пули. Что предпринять? К счастью, инстинкт сработал быстрее мысли. Справа от меня был откос, уходящий к речке. Кувыркком я бросился туда, а вслед мне прозвучал залп из немецких карабинов (позже я понял: мне сильно повезло, что в руках у них были карабины, а не автоматы!). Я почувствовал, что одна пуля попала мне в подмышку.

Скатившись под откос, я встал. На том месте, где только что стояли немцы, уже никого не было (они решили, видимо, не встречаться с моими товарищами). Винтовку свою я крепко держал в руке. Дошел до речки и увидел, что возле нее проходит наш второй эшелон. Здесь можно было отдышаться.

Я снял шинель и обнаружил, что она пробита в районе правой подмышки. Снял гимнастерку – она была тоже пробита. Снял нательную рубаху – и она была пробита! А тело оказалось не задето.

Я и мои товарищи присоединились к нашему второму эшелону. Началась наша боевая жизнь...